

Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

Официальный сайт монастыря (<https://imonspb.ru>)

Торжественный Вход Иисуса Христа в Иерусалим, его цель и значение

Весть о возвращении Иисуса Христа в Вифанию немедленно достигла Иерусалима и пробудила во многих решимость идти туда, чтобы скорее видеть Иисуса (Ин. 12, 9). Покой субботнего дня, простертый фарисеями до нелепых излишеств (Лк. 13, 15, 14:5), не позволял отправиться в путешествие сразу; только одни саддукеи, по традициям своей секты, могли нарушать его безнаказанно; но на другой день рано поутру Вифанию наполнили толпы людей, большая часть которых пришла изъявить свое уважение великому Чудотворцу, а некоторые - понаблюдать за Его поступками (Лк. 19, 39), чтобы донести о них синедриону.

Весть о возвращении Иисуса Христа в Вифанию немедленно достигла Иерусалима и пробудила во многих решимость идти туда, чтобы скорее видеть Иисуса (Ин. 12, 9). Покой субботнего дня, простертый фарисеями до нелепых излишеств (Лк. 13, 15, 14:5), не позволял отправиться в путешествие сразу; только одни саддукеи, по традициям своей секты, могли нарушать его безнаказанно; но на другой день рано поутру Вифанию наполнили толпы людей, большая часть которых пришла изъявить свое уважение великому Чудотворцу, а некоторые -

понаблюдать за Его поступками (Лк. 19, 39), чтобы донести о них синедриону. После Иисуса главным предметом любопытства был Лазарь (Ин. 12, 9) – и как непосредственный свидетель всемогущества Иисусова, и как пришелец из той страны, куда от начала мира все уходит, не возвращаясь. Чем только не интересовалась праздная любознательность фарисейских и саддукейских совопросников, которые в своих синагогах непрестанно судили и рядили о будущей жизни: как живут умершие, какие у них вечера, велико ли лоно Авраамово, остаются ли там в силе узы родства...

Иудеи, пришедшие в Вифанию, не верили, что Иисус Христос осмелится придти в Иерусалим. Тем приятнее было им узнать, что Он намерен идти туда в этот же день. Такое намерение показывало, что Он не хочет более скрывать от последователей и врагов Своих цель Своего служения, решился торжественно перед всем Иерусалимом объявить Себя Мессией и, следовательно, совершенно уверен, что настроенный против Него синедрион не в состоянии Ему противостоять (Мк. 11, 10; Лк. 19, 36–38). Все это было очень приятно для народа, который давно с нетерпением ожидал, когда служащий предметом всеобщих ожиданий Пророк объявит Себя Мессией. Мысль сопровождать Иисуса Христа при Его входе в Иерусалим, быть свидетелем того, какое впечатление произведет Его появление на синедрион, разделять с Ним опасность и славу этих величественных минут – эта мысль заняла теперь воображение и сердце каждого – и Иисус с самого выхода из Вифании уже окружен был толпой усердного народа, готового оказать Ему все почести.

Дойдя до места (Мк. 11, 1; Лк. 19, 29; Мф. 21, 1), напротив которого находилась Виффагия, небольшое селение, видимое и из Иерусалима, на северном склоне горы Елеонской, Господь остановился и подозвал к Себе двух учеников (Петра и Иоанна). «Идита», – сказал им, – «в весь, яже прямо вама; и абие входяща в ню обряцета осля привязано и жребя с ним, на неже никтоже николиже от человек вседе: отрешивша приведита Ми, и аще кто вама речет: «Что творити сие? Почто отрешаета?» – сиче рцете ему: «Господь требует е»; и абие послет е семо» (Мф. 21, 2–5; Мк. 11, 2–3; Лк. 19, 29–31). Такое поручение, несмотря на его незначительность, было не совсем обычно – Иисус Христос всегда ходил пешком, до Иерусалима было недалеко, а между тем, теперь нужно было идти за ослицей, как бы для какого-либо дальнего и утомительного пути! И как дивно было слышать из уст Иисуса: «Господь того требует!» Но ученики не в первый раз были изумлены поступками своего Божественного Учителя и привыкли понимать цель их уже из последствий; посланные тотчас пошли в Виффагию, нашли ослицу с осленком на том самом месте, о котором говорил Иисус; предстоящие действительно спросили их, зачем они берут ослов; и когда они отвечали, как им было велено, то беспрепятственно отпустили их. Такое точное

соответствие события с предсказанием еще больше должно было удивить учеников, если бы они уже не привыкли к необычному. Сын Божий начинал являть Божественную славу Свою даже в маловажных, по-видимому, обстоятельствах, потому что скоро должно было последовать величайшее затмение Его Божества.

Иисус, между тем, оставался на том же месте, откуда отправил учеников. Число народа, Его окружающего, час от часу увеличивалось: жители Иерусалима и богомольцы, пришедшие на праздник, узнав, что Он идет в Иерусалим, шли Ему навстречу многочисленными группами (Ин. 12,12-13).

Посланные вернулись. По усердию и чтобы удобнее было сесть на осленка, ученики покрыли его своими верхними одеждами. Когда Учитель воссел, прерванное шествие снова продолжалось с медлительностью, которая свойственна этому роду езды. Теперь великий Пророк не скрывался уже в народной толпе, был виден всем, и шествие, при всей простоте своей, являло собой нечто торжественное и священное еще и потому, что в древности животные, не носившие на себе ярма, выбирались для священных обрядов; в частности, осел издревле на Востоке служил символом мира, никогда не участвовал в войне и в сражениях. Поэтому один взгляд на Иисуса Христа вдруг напоминал теперь внимательному человеку слова пророка Захарии, который, описывая царство Мессии, говорит: «Рцыте дочери Сионове: се царь твой грядет тебе кроток, сидя на жребяти осли» (Зах. 9, 9)⁴². Такое согласие Господа с желанием народа как можно скорее видеть Его царем, еще более воодушевило сопровождавших Его людей и придало им смелость выразить перед Ним всю полноту своего усердия самым торжественным образом. В порыве восторга одни начинали срезать пальмовые ветви и, потрясая ими в воздухе, бросали их на дорогу перед Иисусом; другие снимали с себя платье и стелили его под копыта осленка. Один старался превзойти в усердии другого. Подобно этому был встречен в Иерусалиме грозный завоеватель света Александр Великий; почти так же приветствовали некогда царя Агриппу – так хотели почтить теперь и Того, Кто был воплощением всех надежд для бедствующего Израиля.

Пальмовые ветви привели на память праздник Кущей, а вместе с ним известный псалом Давидов, который пели в продолжение его. Как поразительно сбывалось содержание этого пророческого псалма в настоящем событии! – Иисус Христос, грядущий в Иерусалим, но отвергаемый синедрионом, видимо, прообразовал Собой тот «камень, пренебреженный зиждущим», который, по слову Давида, должен соделаться во главу угла и быть дивным в очах всего народа иудейского (Пс. 117, 22-23). Настоящий день, думали, покажет это. Подлинно, «Сам Господь сотворил его, чтобы нам радоваться и веселиться в оны» (Пс. 117,

24). Среди подобных мыслей любимый псалом, который все знали наизусть, неприметно переходил из уст в уста; особенно некоторые стихи его, так прямо выражавшие настоящее событие. Со всех сторон начали раздаваться слова псалма: «Осанна Сыну Давидову! Благословен грядый во имя Господне! Осанна в вышних!»

Всеобщий восторг еще более усилился, когда подошли к последней возвышенности, с которой теперь нужно было спускаться вниз до самого Иерусалима (Лк. 19, 37). Это было одно из лучших мест в окрестности – Иерусалим был виден, как на картине: справа, над ужасной бездной возвышался храм Иерусалимский и из-за многочисленных, сияющей белизны, мраморных столбов своих казался искусственной громадой льдов, с золотым куполом, от которого лучи полуденного солнца отражались, по замечанию Флавия, бесчисленными молниями. Наружное великолепие его живо напоминало счастливые времена Давида и Соломона, но он был уже окружен мерзостью запустения, которая вскоре должна была стать на месте святе. Украшенная орлами римскими крепость Антония, с ее огромной башней, господствуя над высотой храма, казалось, подчеркивала унижение, в котором находился народ Божий. Тут же являлась взору претория Пилатова; но дворцы первосвященников казались удаленными и были отделены от храма пропастями, как бы в знак внутреннего удаления их обитателей от Бога отцов своих. Останки дворцов Давида и Соломона уже едва были заметны во множестве новых зданий. На фоне этих картин, каждая из которых приводила на память и древнюю славу, и настоящий позор отечества, – взоры всех невольно обращались на Иисуса, Который, видимо, нес с Собой Иерусалиму его прежнее святое величие. Надежда на славное царство Мессии, казалось, готова была сбыться. «Так, – думали люди, – Он примирит нас с Богом, раздраженным нашими неправдами! (Лк. 19, 38.) Он восставит царство праотца нашего Давида! (Мк. 11, 10.) Под сенью Его мы снова насладимся миром, не будем рабами язычников!» И полнота патриотических чувств снова выражалась в восклицаниях; со всех сторон сыпались ветви, цветы и одежды; чаще и громче раздавалось «осанна».

Господь не препятствовал этому искреннему и радостному излиянию чувств, происходящих из пламенной, хотя несколько мечтательной любви к Нему и отечеству, и считал это следствием не просто обыкновенного стечения обстоятельств, а тайных, давно предсказанных пророками распоряжений самого Промысла, который так обращал внимание Иерусалима и всего народа на пришедшего Мессию. Думая таким образом, Он не мог не принять глубокого и сердечного участия в том, что происходило вокруг Него.

Но для фарисеев (некоторые из них тоже вышли навстречу Иисусу для обычных своих наблюдений) такое зрелище народной любви было нестерпимо. Чувство патриотизма, столь сильно выраженное в настоящем поступке народа, препятствовало осуждать Его явно. Может быть, даже фарисеям не хотелось обнаружить публично свою неприязнь к Иисусу, Который, судя по происходившему, как они думали, мог легко сделаться их повелителем. Поэтому лицемеры сделали вид, который не знающему их истинного отношения к Иисусу мог казаться беспристрастным, даже дружелюбным. «Учитель! – заметили некоторые. – Может быть, стоило бы остановить и унять учеников», то есть хитрые лицемеры как бы хотели предупредить Иисуса, что подобные восклицания народа, называвшего Его Сыном Давидовым, могут быть опасны как для Него, так и для окружающих со стороны римского правительства (Лк. 19, 39–40).

Сердцеведец знал, из какого сердца исходит мнимое предостережение; но теперь не время было обличать лицемеров. Не так бы начали рассуждать они сами, если бы видели, подобно Ему, всю важность настоящих событий, их прямое соответствие предвечным судьбам Промысла. «Аще сии умолчат», – отвечал Он, – «камение возопиет»! То есть так суждено свыше.

Но эта великая и святая тайна Промысла, совершившаяся теперь над Иисусом Христом, была бесконечно выше ума слепых книжников иудейских; и фарисеи из ответа Иисусова скорее могли заключить, что Он как потомок Давида твердо решился требовать престола Давидова и потому открыто позволяет Себе и народу то, что в другое время было бы опасной неосторожностью.

Народ, при всеобщем пении и восклицаниях, вероятно, не слышал ответа, данного фарисеям. Если Господь не хотел прекратить восторга народного, то и не расположен был поощрять его. Несмотря на благосклонное отношение к знакам народной радости, Его настоящие чувства теперь очень отличались от радостных чувств, которыми воодушевлен был народ. Сын Человеческий ясно видел, что настоящее торжественное «осанна!» скоро будет заменено неистовым воплем «распни, распни Его!» Одного этого предведения достаточно было, чтобы изгнать из сердца всякую радость. Но не собственная участь занимала Его теперь: Он помышлял о несчастной судьбе Своего отечества. Как мрачна и ужасна она была в будущем! – иудейский народ отвергнет Его и вместе с ним лишится благоволения небесного; настоящий день, который должен был служить началом благоденствия для его соотечественников, станет началом ужасных бедствий для всего Израиля. Сколько причин для скорби Того, Кто пришел на землю собрав в одно благословенное стадо весь род человеческий, сознавая, что на Нем лежит вместе с тем и особенная

обязанность – заботиться о благе погибающих овец дома Израилева! (Мф. 15, 24.)

На последнем спуске с горы, где дорога идет мимо Гефсимании, Иисус остановился (Лк. 19,41). На Божественном лице Его, дотоле ясном, обнаружилась глубокая скорбь. (Окружающие могли заметить это и, в ожидании чего-либо с Его стороны, на время умолкли.) Господь в молчании глядел на Иерусалим, как бы ища в нем признак жизни духовной; показавшиеся слезы возвещали, что поиски были тщетны: «О, если бы, – воскликнул Он наконец от полноты чувств, – о, если бы ты, хоть в этот день твой, уразумел, что служишь к спасению моему! Но это и ныне (как прежде) сокрылось от очию моею (только моею)! «Приидут дние на тя» (Я вижу их: они недалеко), «и обложат врази твои острог о тебе, и обыдут тя, и обымут тя отвсюду, и разбьют тя и чада твоя в тебе, и не оставят камень на камени в тебе, понеже не уразумел еси време посещения моего».

Льющиеся слезы показывали, с каким глубоким чувством были произнесены эти слова. Ах, Кто говорил, Кто плакал таким образом об Иерусалиме, Тот не был, как клеветали фарисеи, оболстителем народа, не желал бедствий Своему отечеству!

Шествие продолжалось. При входе в город Иисус окружен был еще большим количеством народа, так что, когда Он вошел в Иерусалим, то, по выражению святого Матфея, «потрясется весь град» (Мф. 21, 10). Всякому хотелось знать, кто это идет с такой торжественностью. Тем более, что сопровождавший Господа народ с радостью кричал в ответ, что это Иисус, великий Пророк из Назарета!

Шествие направилось прямо к храму, который всегда служил единственным и естественным пристанищем Сына Божия. Так, впрочем, поступали и все путешественники, когда приходили на праздник, желая прежде всего явиться, так сказать, лицу Бога отцов своих. Войдя в храм, Господь осмотрел его (Мк. 11,11). Можно было подумать, что Он, как Господь храма, вполне вступил в права Свои и намерен требовать отчета у тех, кому храм вверен был в Его отсутствие. И для обыкновенного ревнителя благочестия, тем более для Сына Божия были видны многочисленные нарушения уставной жизни храма Иерусалимского, которые требовали исправления; но оно отложено было до следующего дня, как бы для того, чтобы не нарушать торжественности дня настоящего. К новому посетителю и Владыке храма немедленно собрались, как меньшие братья Его, хромяе, слепые и болящие, которые всегда находились при храме; всем им было преподано исцеление (Мф. 21, 14). Такое обилие чудес

еще более должно было увеличить всеобщую радость: торжественное «осанна!» зазвучало в самом храме. Особенно трогательное зрелище представляли малыши, которые, подражая старшим, повторяли: «Осанна Сыну Давидову!» Псалом, из которого взяты эти слова, они знали наизусть, так как в праздник Кущей его пели целыми семействами. Среди общего восторга им казалось, что вместе с Пасхой наступил теперь и этот праздник, в обрядах которого было так много символического и занимательного, особенно для детей. Иисус Христос всегда благоволил к детям, в которых природа человеческая является в простоте и откровенности, дорогой для доброго сердца. Но первосвященникам и книжникам детские восклицания в честь Богочеловека казались жалким триумфом, приличным только такому человеку, который, по собственным Его словам, не имел где подклонить главу. «Слышишь ли, – заметили с негодованием некоторые из них, – что они говорят? Какую честь Тебе оказывают?» – «А вы, – отвечал Господь, – разве никогда не читали в Писании: «яко из уст младенец и ссуших совершил еси хвалу?»» (Мф. 21,16.)

Слова эти содержали в себе и лучший ответ, и открытый упрек книжникам, потому что за ними в псалме следует: «враг твоих ради, еже разрушити врага и местника» (Пс. 8, 3). Ибо кто более враждовал против Иисуса, как не первосвященники и книжники?

Давид в этом псалме описывает величие Божие, настолько очевидное, что даже грудные младенцы чувствуют его и прославляют Бога. Иисус Христос, относя эти слова Давида к настоящему случаю, как бы говорил книжникам: вместо того чтобы недоумевать и издеваться над детьми, вам бы следовало устыдиться их безыскусственных восклицаний: эти малолетние, признавая Меня в младенческой простоте своей за Мессию, вразумляют своим примером вас – престарелых!

Враги и местники умолкли – и Господь беспрепятственно оставался в храме до окончания дня, вразумляя, вероятно, народ поучительными беседами. С наступлением вечера Он оставил не только храм, но и город и в сопровождении двенадцати учеников Своих удалился обратно в Вифанию. Там, среди друзей, Он мог отдохнуть после такого дня, который был и для Иерусалима, и для Него Самого единственным и чрезвычайным.

Для учеников Иисусовых день этот прошел, как приятный сон. Высокая цель знаменательных действий их Учителя, по признанию одного из них, не была ими понята (Ин. 12,16). Находя в событиях этого дня так много совпадений со своим мнением о скором воцарении Учителя над Израилем, они не могли не думать, что, объявив Себя Мессией, Он станет действовать решительнее и, таким

образом, скоро совершится их пламенное желание, то есть Его видимое воцарение над Израилем!

Вечер в Вифании после такого дня не мог быть проведен в молчании. В кругу учеников и друзей Господь, без сомнения, пояснял знаменательные события прошедшего дня; по крайней мере, сколько нужно было, чтобы изгнать ложную мысль, что Его торжественный вход в Иерусалим имел какую-то мирскую цель.

Как отрадно, без сомнения, было бы для Богочеловека теперь, в конце великого поприща Своего, раскрыть пред учениками и все прочие Божественные виды Свои, ввести их, так сказать, в самую среду великих судеб Божиих, которые в Его лице вскоре должны были совершиться! – Возвышенные души всегда тягостятся и скорбят, если не могут передать другим всего прекрасного и великого, зреющего в их глубине. Что же могло быть величественнее и святее решимости принести Себя в жертву за спасение мира, которая управляла теперь всеми действиями Богочеловека? И когда нужнее всего было дружеское участие, как не сейчас, когда, сообразно высокой цели искупления людей, из-за любви к истине и добродетели надлежало идти на крест? Но ученики и друзья Иисусовы еще не способны были вознестись на ту высоту, с которой Сын Человеческий взирал на Свое предназначение – быть Спасителем рода человеческого. Поэтому, при всем желании разделить с ними чувства Свои, Он должен был до самого креста скрывать в сердце Своем большую часть тех возвышенных истин, которые служили основанием Его великой деятельности. Только Отец Небесный зрел возлюбленного Сына во всей красоте Его нравственных совершенств; только сонмы премирных духов (Ин. 1, 51) могли созерцать великую цель, для которой подвизался Сын Человеческий, – высоту и чистоту средств, Им употребленных, и то послушание и самоотвержение, по которому Он, «будучи в образе Божиим», благоволил смирить Себя до «смерти крестной».

Среди ночной тишины, в молитве перед Отцом, без сомнения, еще больше было пролито слез о несчастной участи народа иудейского, чем видели их на лице Богочеловека при торжественном входе в Иерусалим.

Вход в Иерусалим еще больше, чем воскрешение Лазаря, привел в замешательство врагов Иисусовых. Тот, Кого верховный синедрион осудил на смерть, Чье местопребывание должен был объявить начальству каждый под страхом строгого наказания, – Тот Самый перед лицом синедриона торжественно вошел в Иерусалим, провел полдня в храме, был почитаем как Мессия и удалился как победитель! Случай показал, что значит и как много может нравственная доблесть против коварства и злобы. Сын Давидов не имел

ни одного служителя, который бы вступился за Него (Ин. 18, 36); легионы ангелов, всегда готовых прийти на помощь Сыну Божию (Мф. 26, 53), оставались безмолвными зрителями Его шествия; за Него действовали истина и правда; а между тем целый синедрион оказался бессилен против Него – признал себя побежденным!

Злоба онемела, но не умерла. Успех Иисуса приписывали собственному бездействию. «Видите ли вы, – говорили фарисеи старейшинам, – что ничего не успеваете по своей нерешительности? За ним идет весь мир» (Ин. 12, 19). Поэтому решено было действовать безотлагательно, но по-прежнему тайно, так как всеобщее расположение к Иисусу Христу не позволяло открыто применить силу. Немалая часть ненависти пала и на Лазаря, воскрешение которого было главной причиной того, что народ с таким ликованием встретил Иисуса; было решено снова отнять ту жизнь, которая была столь чудесно дарована ему вторично! (Ин. 12, 10.)

Такие ужасные меры, на которые решились начальники синедриона, вызванные входом Иисуса Христа в Иерусалим, требуют дальнейшего рассмотрения этого события в его истинном значении.

Обозревая служение Иисуса Христа, вспоминая Его поступки до этого момента: как Он тщательно уклонялся от случаев, где усердие народа могло дойти до необдуманных действий в Его пользу; как часто самим последователям и ученикам Своим запрещал объявлять всенародно, что Он есть всеми ожидаемый Царь Израилев; как, наконец, постоянно отвергал всякие земные почести, не давал поводов думать, что Он претендует на престол Своих праотцов по плоти, – припоминая, говорю, все это и взирая на Иисуса Христа в продолжение настоящего дня, иной может решить, что Он вдруг совершенно изменил образ действия и намерен, сообразно всеобщим ожиданиям, действительно явить Себя видимым царем Израиля и восстановить престол Давида, хоть и не в таком плотском виде, как воображали многие из иудеев. Между тем, Божественный Учитель истины оставался неизменным, и торжественный вход Его в Иерусалим был совершен с полной уверенностью (Мф. 20, 17–19; Мк. 10, 32–34; Лк. 18, 31–34; Ин. 11, 7–16), что через несколько дней в этом же Иерусалиме Его осудят на смерть, предадут язычникам и пригвоздят к кресту как величайшего преступника. Какую же цель после этого преследовал столь необыкновенный поступок? Для чего допущено Богочеловеком, чтобы перед самым страданием и смертью воздан был Ему некий вид царственной почести, от которой Он постоянно уклонялся во время Своего служения? Подобным снисхождением Его к патриотическому восторгу народа, хотевшего видеть в Нем восстановителя престола Давидова, не могла ли поддерживаться в народе мечта о земном

царстве Мессии, которую Он старался искоренять столь ревностно? Самим врагам Иисусовым не был ли дан через это благовидный предлог обвинить Его в каких-либо земных замыслах? – Вопросы эти, занимавшие еще св. Златоуста, обязательно должны остановить на себе наше внимание, потому что вход Иисуса Христа в Иерусалим не раз подвергался превратным толкованиям врагов христианства.

Евангелисты Матфей и Иоанн, повествуя о входе в Иерусалим, замечают (Мф. 21,4–5; Ин. 12,14–15), что в этом событии исполнилось предсказание пророка. Поэтому на вышепредложенные вопросы можно было бы отвечать (как и отвечали некоторые), что Спаситель, – Который еще Своему Предтече благоволил сказать, что Ему надобно «исполнить всякую правду», а по Воскресении ученикам Своим объявил (Лк. 24, 25–27), что на Нем надлежало исполниться всему, написанному о Нем Моисеем и пророками, – восхотел исполнить и пророчество о входе Своем в Иерусалим, и притом буквально, чтобы те из иудеев, которые знали и понимали это пророчество (а такие были), не имели права сказать, что оно не исполнилось. Но таким ответом дело было бы решено только наполовину, потому что выражения евангелистов: «да сбудется реченное пророком, да исполнится Писание» и проч. – означают не причину события, а указание на пророчество о событии; и вообще Мессия делал то или другое не потому, что пророки представляли Его поступающим таким или иным образом, а напротив, пророки предсказывали различные Его поступки, потому что Ему надлежало по определенным причинам совершить их. Поэтому полный ответ на вопрос о цели торжественного входа в Иерусалим нужно искать не в предсказании, которое само зависело от события, а в существе и обстоятельствах самого события.

И действительно, обращая внимание на служение Иисуса Христа и особенно на Его отношение к народу иудейскому, нетрудно заметить, что такое событие, как торжественный вход в Иерусалим, было нужно, и нужно именно перед Его страданием.

Иисус Христос пришел на землю как Спаситель всего рода человеческого, но пришел как Мессия, обещанный предварительно народу иудейскому и среди него явившийся миру. Как обетованный Израилю Мессия возведен Он Пресвятой Деве Марии (Лк. 1, 32–33) при самом Его зачатии, а при рождении – пастухам вифлеемским (Лк. 2, 10–12), как обетованный Израилю Мессия указан Он Иоанну Крестителю (Ин. 1, 33), а Иоанном – народу (Ин. 1, 36); как обетованный Израилю Мессия Он учил, творил чудеса, обличал, пророчествовал. Кто из иудеев был внимателен к учению Иисуса Христа и Его деяниям и судил беспристрастно, тот давно мог признать Его в своем сердце Мессией, хотя бы и

не слышал торжественного объявления о Его достоинстве. Но для большей части народа требовалось, чтобы Он Сам всенародно объявил Себя Мессией, предвозвещенным пророками: в народе господствовало даже мнение, что Мессия откроется хоть и внезапно (Ин. 7,27), но так торжественно, что о Его приходе узнают все иудеи во всех концах света. В этом ожидании, конечно, было много мечтательности, но было и что-то справедливое, основанное на предсказаниях пророков и на самом существе дела; ибо явление такого великого и необыкновенного лица, как Мессия, по необходимости должно было стать общеизвестным.

Но это-то до сих пор и не произошло. Иисус Христос не только не именовал Себя прямо Мессией, но часто даже ученикам Своим запрещал называть Себя так перед народом (Мф. 12,16, 16:20; Мк. 1:34, 44-45, 3:12, 5:43, 7:24; Лк. 4, 41, 5 и пр.), поступая в этом случае по плану Своей Божественной премудрости. Поэтому некоторые с истинным или притворным усердием говорили Ему громко: «Доколе души наши возьмешь? (Долго ли Тебе держать нас в недоумении?) Аще Ты еси Христос, рцы нам не обинуясь» (скажи нам прямо – Ин. 10, 24). Чтобы снять все недоумения, Сыну Человеческому надлежало явиться дочери Сионовой в полном виде Царя кроткого, чтобы она, отвергнув в Нем Жениха своего, не могла сказать, что отвергла Его по неведению. Вот в этом-то и состояла главная цель настоящего торжественного входа Иисусова в Иерусалим. Иисус Христос есть их истинный Мессия. Неоспоримым доказательством этого служат собственные слова Его, произнесенные Им перед воротами Иерусалима: «О, если бы ты хоть в сей день твой уразумел, что служит к спасению твоему!» Выражение «день сей твой» показывает чрезвычайную важность настоящего события для народа иудейского, важность, которую мы сейчас осмыслили. Действительно, этот день – с отвержением Мессии – навсегда решил судьбу народа Израильского. В таком случае, подлинно, если бы ученики умолкли, то заговорили бы сами камни. Так время было важно и невозполнимо!

Нетрудно понять, почему такое всенародное объявление – что Иисус Христос есть Мессия – должно быть сделано не раньше, чем перед окончанием Его служения. Прямым следствием этого был бы отказ синедриона принять Иисуса Христа за Мессию, решительное преследование и Его смерть; но эта смерть была бы безвременной, потому что еще не было положено прочное основание Царству Божию на земле, для учреждения которого и явился Сын Божий. С другой стороны, если бы Иисус Христос, объявив Себя Мессией и, следовательно, по понятию народа, царем Израиля, оставался на земле дольше, то народ иудейский, вероятно, не удержался бы от беспокойных движений и поднял бы во имя пришедшего Мессии восстание против римлян. В данном

случае краткость времени, прошедшего до страданий Иисуса Христа, не позволила мечтательности народной дойти до подобной крайности, а крест Его решительно полагал конец в последователях Его подобным замыслам.

Независимо от этого нельзя не отметить, что для входа в Иерусалим избран был, и, конечно, не без особенного намерения, тот самый день (десятое марта), в который в каждом семействе избирали агнца, служившего «пасхой». Кто видел в агнце пасхальном не только памятный знак бывшего благодеяния Божия, оказанного праотцам иудеев в Египте, но и символ грехов всего мира (а такие люди были (Ин. 1:3, 6), – для того такое совпадение времени должно было быть весьма поучительно. В самом деле, после Своего входа в Иерусалим все остальные дни до Своей смерти Иисус Христос оставался среди народа уже не иначе как жертва, видимо обреченная на заклание: дни эти проведены были и Им Самим, и врагами Его именно в приговлении к Его смерти.

Что касается самого образа вошествия в Иерусалим и его подробностей, то в этом отношении все явно соответствовало древнему пророчеству, причем с величайшей мудростью (Зах. 9,9). Несмотря на неизбежную торжественность, все было устроено так, чтобы исполнение пророчества не послужило пищей для народной мечтательности о земном царстве Мессии. Между почитателями Иисуса Христа было немало людей важных и богатых, которые по одному слову Его могли бы доставить Ему все нужное для того, чтобы явиться дочери Сионовой в величии Царя Израилева. Но Он не делает этого: является всему Иерусалиму с обычной для Него простотой, смирением, даже убожеством, Его именуют царем Израилевым, Ему поют «осанна», перед Ним сыплют ветви, постилают одежды – почести, выражающие величайшую любовь, искренность и силу усердия... Но где торжественная колесница? Где вооруженные слуги? Где царские украшения? – Все это заменено двенадцатью учениками, столь же убогими, как и Учитель, ослицей и осленком, взятыми на время у других!.. Самый последний из владельцев никогда не являлся в такой простоте и убожестве, как теперь – Иисус! Все, чем был украшен вход Его, состояло в непритворной радости и усердии народа и учеников Его, так что внимательный человек мог уже теперь видеть ту святую истину, изреченную впоследствии перед Пилатом, что царство Иисуса Христа не от мира сего.

Поэтому, вслед за отцами Церкви, можно сказать об этом торжественном входе, что целью Его было еще и намерение, одушевлявшее все поступки Иисуса, – уничтожить в уме Своих соотечественников мечту о земном царстве Мессии. В действительности, эта мечта была основана преимущественно на пророчествах, где Мессия описывается как царь. Иисус Христос всенародно показал теперь, как можно быть Царем-Мессией, описанным пророками, и в то же время быть

совершенно чуждым земного владычества. После этого нет места такой ложной мысли, которая впоследствии распространилась среди иудеев, что пророчества о Мессии, по их резкой противоположности, можно согласовать, лишь допустив существование двух Мессий: одного – сильного, царя, Сына Давидова; другого – бесславного, страждущего и умирающего, от колена Ефремова. Иисус Христос, со Своим нравственно-духовным величием, со Своим страданием и смертью, совместил в Себе в данном случае то, что в предсказаниях пророков о Мессии казалось земным, частным и местным, – чувственное явление всему народу израильскому в виде царя, едущего на малом осле, – и принятие от Иерусалима всенародных почестей в качестве Сына Давидова.

Если бы, отметим еще, в торжественном входе Иисуса Христа в Иерусалим заключалось что-либо противное существовавшему тогда гражданскому порядку, что-либо неблагоприятное для правительства, то возможно ли, чтобы римская стража, всегда строгая, а особенно усугублявшая свою бдительность во время праздников, не обратила никакого внимания на этот вход? Но внимание не было обращено. – Возможно ли, чтобы это событие осталось совершенно неизвестным для игемона иудейского, человека подозрительного и весьма строгого, который для укрепления римской власти, не задумываясь, пускал в ход огонь и железо при малейшем подозрении? Но Пилат, как из всего видно, ничего не знал или не придавал значения этому событию. Не очевидно ли после этого, что, по мнению самой римской стражи и начальства, – свидетельство, сильнее которого нельзя и желать, – вход Иисуса Христа в Иерусалим не только не заключал в себе ничего противного римской власти и выгодам кесаря, но и не нарушал обыкновенного порядка вещей.

Обратимся наконец к самим врагам Иисусовым: кто сильнее их мог клеветать на Него? И кто был более готов любыми средствами погубить Его? Однако же, при всей злобе своей, они не осмелились поставить Ему в вину вход Его в Иерусалим ни в синедрионе, ни перед Пилатом: так что дело это было чисто, невинно, свято.

*Святитель Иннокентий (Борисов), архиепископ Херсонский
Из книги «Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа»*

При перепубликации просим ссылаться на первоисточник: Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

<https://imonspb.ru>

Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 45

Проезд: ст. метро "Петроградская"

Телефон: +7-812-234-24-27